

Е. Луганская

САВАЛ

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It depicts a night scene with a bright, jagged lightning bolt striking down from a dark, cloudy sky. Below the lightning, a horizontal band of intense orange and yellow light, possibly a sunset or a fire, illuminates the horizon. In the foreground, the dark silhouettes of trees and a body of water are visible, with some light reflecting off the water's surface.

18+

Екатерина Луганская

Савал

<https://litres.ru/74250648>

SelfPub; 2026

Аннотация

Из революционного Петрограда в хутор Савал прибывают две женщины — кружевница Ирина и её дочь Марьяна, присланные как «рабочие руки». Их столичная изысканность и сдержанные манеры резко выделяют их среди грубоватых хуторян.

Ирина, утончённая и загадочная, привлекает внимание местных мужчин, каждый из которых пытается завоевать её расположение. Юную Марьяну же добиваются двое: горячий и своенравный сын кузнеца Демьян и расчётливый помощник председателя — представители двух разных миров, старого и нового.

Но за бытовыми страстями скрывается нечто большее. Ветер перемен принёс с собой не только новых людей, но и тени прошлого. На хуторе шепчутся о порчах, старухи бормочут заговоры, а по ночам в поле видят таинственные огни. Магия вплетается в жизнь обитателей Савала, как узор в кружево.

Смогут ли Ирина и Марьяна сохранить себя среди чужих нравов, или тёмные силы хутора затянут их в свои сети?

Содержание

Часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Екатерина Луганская

Савал

Часть 1

Так длинно льётся наша река Савала. Красивая река, как утреннее солнце. Правым притоком мягко растекается по всей Воронежской и проходит течением по буеракам, подмывает берег, поросший сухим рогозом, камышом, а по степям — ровная гладь зелёной травы. Идёшь по щиколотку по разнотравью, ногам прохлады, брызги росы взлетают вверх. Идёшь себе, размышляешь о том, о сём, идёшь по полосе реки, а там всюду прорастает Савальский лес. Высаженный когда-то вручную, защищая свои дома от степного ветра и половодья.

Тихо стелется река из самой Тамбовщины, извивается беглым ручейком; исчерчивая землю кружевными петлями, мимо небольшого хутора Савал. Аль был ли тот хутор или не был — никому неизвестно. Остались какие-то последки бывалого цоколя, колодца, заросших лишайником балок. Вот так сразу, глядишь, будто вот тут когда-то изба стояла! Сгнила вся. Сравнялась с землёй. А идти опасно! Хоть по займищу деревья растут, всё ещё можно угодить в топь. Гуляешь по тропиночке, видать, местные протоптали, знают, куда ид-

ти, а по ту сторону реки густая тёмная лесная крона будто зовёт к себе, спешит скорее рассказать непостижимым языком ветра историю удивительной любви.

Вся картина Савалы навеивает очень приятные чувства, но сами местные из других деревень рассказывают дивные вещи, местами очень мрачные и жестокие. Вот так заслушаешься и не веришь — не может быть! Не могло происходить подобного! «Но кто его знает...» — твердили некоторые.

«...как приехал, сначала реку нужно уважить, а после можно и порыбачить», — журился один завзятый рыбак с многолетним стажем, показывая на переменчивое подводное течение реки. — «Я понятия не имею, но под водой что-то есть! Или это сама река, или дух реки, но чтобы заняться делом, я должен чуть ли не в бубен бить и приплясывать. Песни там петь? Какие с меня песни?! Я в военном училище проучился, не верю во всякую ерунду, а тут такое! Вот как бывает: гладь воды успокоилась, не несётся в круговорот — можно устраиваться удобнее и спокойно порыбачить! Тогда и улов крупный. А если видишь, чуть как ножом режет песок — делу не быть! А если сдуру чинишься, сядешь на бережок, закинешь удочку — Бог даст, удочку отнимет, а не другое!»

Сердился мужик, вспоминая унесённую течением удочку, а от себя рассказал одну горькую историю любви.

Вот так.

По всей широте земли, каждое утро, над зелёной водной гладью озера, стелилась мягкая дымка тумана, а к дню медленно поднималась вверх, затягивая деревья в серый плен, откуда иголками торчали острые ветки и сучки. Навеивают мрачные ощущения призрачного присутствия. Гляди, обращайся. Буйная лиственница, валежник, затхлый запах застойной воды, будто недалеко болотистое место, тухловатая земля, проросшая травой и мхом. Вокруг совсем тихо: ни жука не слышно, ни мухи. Не ходи туда. Вертайся назад! Местный люд из хутора знают, не тревожат лес зря, не ходят попусту в глубину. Так. По краешку ходят, хворост соберут и скорее домой. И ветер в спину гонит, и птица из-за дерева бросится на голову, так и душу там оставишь. Взялись шугать людей. Животинка знает, потому предупреждает. Страшатся люди не только птицу глазастую, дичь какую-либо, но и чуди разной, что там водится. Страшают звуки таинственные, заводят в заблуждение: сзывает нечисть в сети свои, как девка ревушая или дитя брошенное. А путник верит. Несётся на помощь, а там гляди — смерть уже нависает. Опасны прогалинки в том лесу. Те места совсем тёмные.

В то тёмное время земля страдала не меньше человека. Страшное было время. Тысяча девятьсот двадцатый год. Бои за боями, кругом резня, расправы. В хуторах и то хуже — отдай последнее новому управству.

Кровью насытилась земля, а по погоде наступает летний сезон гроз. Деревенские сажают небольшие огороды. Знать не знают, что творится в миру, со слухов да и только. Да что там слухи, про мир мало знают. Вот земля, вот картошка с яйцом — что ещё им надо? К зиме готовиться. Мороз не спросит, чем ты занимался все лето: на печи лежал или в огород ходил? Вот за лесом, сквозь тучные облака, тянется, подсвечивает слабый диск солнца, гоняет порывистый ветер. Над хутором уже которую неделю нависают серые тучи, а дождя всё нет. В небе гроыхает гром, раскачивает сухие ветки, ломает верхушки деревьев, а на земле ни капли. Отсюда беспокойный люд твердил, высматривая в небе явный знак, каждый день предрекая непогоду; проплывали тучи стороной, мол, ведьма завелась, ворожит там. Да и сами ворожили на дождь, а без толку.

В то время тот хуторок давно был причислен к мистическим краям, о которых рассказывают всякие небылицы. Немыслимые истории, связанные с местным и народным заговором. Об этом пели девчата, говорили старые бабы-щебетухи. Как соберутся и сядут за вышиванки, возьмутся за иголки и давай украшать полотна, воротнички, манжеты, повязки на голову, цветки на венок — собирают невесты приданое под песню:

«Ой, не ходи к Савалу, не ходи.

Ой не ходи, красная.

Савал ждет тебя, свою суженую.

Савал ждет свою суженую.

Савал ждет свою суженую!»

Печальная песня о том, как хозяин реки, сам водяной Савал, забрал в свое речное царство молодую девуцу, и стала она утопленницей. Скольких девчат погубил нечистый!

О чём ни говори, а у местных было особое отношение к реке. Супесь зыбучая, берега беспокойные, пенистыми гребешками, местами крутит водоворот, и вихри несутся навстречу к лодке. Глядишь, вроде водная гладь спокойная, а на дне бывает так: крутится-вертится, метит себе речной хозяин, до худа дойдет. Душу невинную жаждет. Отсюда и утопаемых в хуторе много, почти полдеревни на погосте без крестов и причащения — одни надгробия, мол, тут лежит тот или этот. Или вовсе неизвестный, с номерком. А как зима выюжная придёт, так и люди тут же пропадают без вести, до самой весны неведомо где лежат, пока ледоход не пройдёт. Заведёт окаянная пурга по льду реки — и всё, пиши пропа-ло.

«Так люди сказывали...», — твердил рыбак и рассказал такую историю.

Савал не был бы таким страшным, если бы не сами жители того самого хутора, где и протекала река. Люд приречья был чересчур скверным, поганым. Более других криводушный. Года не те, чтобы добрым быть. Пока по земле то белые, то красные ходят, то шайка бандюганов прибьётся. Тут народ не выдержал. Не любят чужих, даже мимо проезжих; заморочат голову, пошлют лихой дорогой через хиленький мостик, а там до беды недалеко. Провалился сточный мост вместе с путником — и ищи его теперь на дне. Молва о гиблом месте пошла по всей губернии. Сколько людей прибывало: казаков с города пошлют, сколько офицеров было — однако местные всех изведут языками злыми, интригами и склоками. Собыют мысли в голове, а те и рады стараться.

Пустит старая баба Прасковья постыдные домыслы, а там уже и Евдокия Митрофановна — дочка Прасковьи — дополнит несусветными небылицами. Соберёт девок-щебетух и давай воду мутить среди чужаков. Потому Евдокия в надзирателях была на хуторе, как барыня ходит в шелковом платке с узорами. Глянет острым взглядом на кого-либо, как та сатана из пустой бочки, от чего неделю в часовенке не отмолишься. Фекла Кортыгина, близкая подруга Евдокии Мит-

рофановны и кумушка, второго мужа похоронила — казака, воспитывала двух дочек, молодницы уже — Дашеньку и Душеньку. Не красивые девки, почасту хмурые. Насупятся, губы подожмут в одну линию и давай шушукаться между собой, перемывать прохожим кости.

Отречённый, бывший поп Ефим — недоросль такой. Жиденький мужичонка. Года два назад читал молитвенные прошения в местной часовне, а теперь, после смены власти и гонений, на месте часовни стоят обугленные поленья, а сам Ефим, хвостом виляя, согласился на новые условия местных властей, прикидываясь эдаким весёлым дурачком. Но, несмотря на отречение, поучать Ефим ой как любил; как тот самый высокий сан в православной церкви, с троеперстием и крестным знаменiem слал на людей проклятия и чуму.

А также Нестор Николаевич Строев — староста хутора, председатель; промочит глотку выгонкой и давай писать доносы в комиссариат на тех или иных. Феликс «Топорыга» — молодецкий помощник Нестора Николаевича — оба образованы, окончили аж третий класс, единственные в хуторе, кто умел писать и читать, отсюда власть была у них. Этим пугали необразованных крестьян.

Семья Погребаев и семья Савиных — кузнецы.

Все в Савале почти родня, друг другу сваты да кумовья. Плоть от плоти — все кровные, друг друга легко узнавали по шапке или ленте в волосах, платку на голове, по лаптю. Немного осталось семей в хуторе, всего-то одиннадцать. Кто не вынес зиму, так и помёрз в мёрзлый за хатой с выгонкой в руках, кого волки разорвали в лесу. А были и те, кто был не согласен с новым управством — того уже и не видели никогда.

Несмотря на непогоду, хутор вставал чуть не с зарей, затемно начинал работу по хозяйству. Семьями шли косить серпами пшеницу, подвязывают пучок и несут в свои овины. Подведут косу точильным камнем да на луга косить траву всем гуртом пошли, переворачивали волок скошенной травы. А было и так: привезет Сашка Погребай, местный оболтус косоглазый, два ведра картошки в кусочках, где первые ростки; поедет он в город, покажет пару весёлых трюков, до блеска начистит сапоги казачьи, лаковые штиблеты ярко-выряженного франта да и валяй, душа, потратит все деньги, в семью принесет грош. Раздаст картошку по сватам и соседям, от сего считал себя верным благодетелем. Все думал, что место в раю ему уже греется.

Худые времена пришли на земли русские, в частности в хутора, где рабочий крестьянский люд, брошенный самим помещиком, выживал как мог, а тот и рад бежать от новой

власти — за рубеж. Много еды отдавали в город, отдавали или отбирали — уже и не важно, но законы менялись пару раз на день. Вот так приедет какой-нибудь хитрец, комиссар продовольствия, в старом, затёртом до дыр костюме, на плечах одёганный, и давай свои порядки устраивать. Обдерёт до дыр хутор, отберёт последнюю лошадь и в повозку, затарится и давай ноги уносить, потому и люди озлобились. Не верят уже никому. Сегодня так, а завтра эдак. Телеграмма приходила через Феликса «Топорыгу», а тот уже по-своему трактовал указания свыше.

— Ой, дойдут же руки до тебя, Фелька, погоди, дойдут. Пришлёт кого нам, а у тебя там... — старый председатель в синей косоворотке, засмолённой чёрной жилетке, что на солнце уже блестела. Отсюда невдомёк было: то ли кожаная она у него, просто старая, то ли жирная, натёртая ваксой. Ай, как идёт ему эта жилетка, особенно с чёрными портками и сапогами. Что правда старыми и ничего так, важничает. Как молодится перед девками.

Вот так протрёт рукавом седую бороду, зачитывая телеграмму с губернии, повторял: «Эх, авось как пометим этой зимой!», а потом... «Всем хутором сложимся, но работу сделаем!» Сложив отошальные пальцы в тоненький кулачок, Нестор Николаевич завсегда грозился им вверх.

— Не видать вам наших душ, рано ишо!

— Тю, ты чего, старый? Нас на погост валетом класть? — дерзил Фелька, округлив глаза, глядя на старосту. — Так оно видно же, Николаевич, видно, что рук не хватает, так и не успеваем. Бабы вон уже ночью работают. Темно, совсем ничегошеньки не видно. Вон у нас одни старики да женщины и дети. Из таких мужиков остался только кузнец Савин, два Погребая да Витряк.

— Как казаки ушли кулаков бить, так и не вернулись. Аж там и останутся. А шо нам, там городская жизнь. Эх... — сотовала Евдокия, по-хозяйски обхаживая вокруг стола Фельки, подглядывая в записки, прикрывая плечи любимым тёплым платком, сложенным по диагонали.

— А может, и вернутся, ведь? — не унимался председатель, мельком поглядывая на Евдокию, про себя отмечая: «Постарела Евдокия, сильно постарела. Вон оно как, уже седину видно. Тридцать годков-то».

— Ишь ты, как же ещё, — переговаривалась женщина, не давая продуху Фельке и самому старосте. — Не будь дурнем. Вон скольких детинок бегают, папку в глаза не видали, а казак человек вольный, степь любит да копытами рысака по полю, шашкой махать, бурдюк потягивать, а не в поле тру-

диться. Нужны руки, ра-бо-чие!

— Были вам руки, — громко усмехнулся Фелька, прижавшись к столу, зная, за что получил лёгкого подзатыльника от Евдокии.

— Нестор Николаевич! — как заорёт Фелька, обиделся, злобно глядит из-под лобья. — Это по чём? Щас я как встану, как уйду!

— Полно тебе, Фелька, полно. Малый ещё, вот так брыкаться, как та молодой рысак. Горячий какой.

— Нестор Николаевич, пушай идет! Пушай, а мы его вот эти писульки народу покажем. Пусть знают про его проделки. — Посмеялась Евдокия, тыкая пальцем на стол. — Гляди, покойного батьки гимнастёрку одёг. Служивым себя возомнил! Ишь, какой умный! Слова умные знает, а мы вот не знаем! Неграмотные, но у нас есть сила народа! На советский народ! Вот он нас и рассудит.

— Покажешь?! Ай, пусть, коль читать смогёшь, так показуй! — похвастался Фелька, от чего Евдокия покраснела до ушей.

— Не кипи, Фелька, не со зла Евдокия, а поучать такого

ковылястого может. — вмешался Нестор Николаевич, заглаживая спор. — Старше тебя.

— Агась, может она... — не унимался недоросль, трясая головой. — Вон, пусть лучше новосельцев учит, а не меня.

— Феликс!

— Уж двадцать два годка Феликс, а вы меня как ребенка... того... не ругаете, а как это по-новому... по-учёному... отчитываете!

— Смотри у меня, ума так и не набрался, — ужалила Евдокия. — Только брехать умеешь. Гуторят тут про тебя лишнее, так я рты закрывала, а ты... Неблагодарный!

— Что-о-о! — вздыбился Фелька, вскакивая из-за стола, по привычке из-под лобья смотрел на Евдокию. — О чём гуторят тут? Брёшешь?! Говори, о чём и кто!

— А мне по чём знать?!

Тут вписался Нестор Николаевич.

— А ну-ка, уgomонились оба! Иначе донесу... Вышестоящему напишу! На каждого!

Поучал старик трепещущим голосом, на что спорящие тут же поутихли, замолчали, как в рот воды набрали, разошлись каждый по своим углам тёмной комнаты, и только слышно, как бубнят под нос.

— Я не причём, вона сама виновата.

— То ли ещё будет...

Спустя минуту раздался грузный голос Евдокии, вспоминая последних переселенцев и двоих заблудших бедняг, что остались на некоторое время в хуторе, от которых ни слуху ни духу в народе. Нет их и всё. Без вести пропавшие.

— Ну коль так будет происходить, тогда сколько бы ни приехало, вы всех их изведёте. А если у вас на всякую тарбарщину хватает время, то кто работу будет делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.